

К проблеме теоретического моделирования политики согласования интересов

Одной из магистральных проблем современной политической науки является поиск оптимальной модели распределения и перераспределения ограниченных общественных ресурсов, которая отвечала бы принципам рациональности и соответствовала доминирующим представлениям о социальной справедливости. Таким образом, в фокусе внимания исследователей оказываются политические механизмы, обеспечивающие согласование национальных, государственных, общественных, коллективно-групповых, частных и иных интересов.

Эффективное функционирование данных механизмов – залог принятия взаимосогласованных политико-управленческих решений органами власти. Каждое государство обладает уникальной институциональной инфраструктурой, посредством которой осуществляется регулирование процессов артикуляции, представительства и координации интересов, циркулирующих между социальной, экономической и политической системами общества. В связи с этим мы склонны предположить факт существования *политики согласования интересов*, направленной на упорядочение отношений между государством и группами давления. В рамках соответствующего вида политики могут быть выделены четыре функциональных блока, обеспечивающих ее реализацию:

1. *Нормативно-ценностный*. Определяет и нормативно фиксирует иерархию общественных интересов по степени их значимости и приоритетности для государства.

2. *Артикуляционный*. Регулирует деятельность институтов, обеспечивающих артикуляцию и репрезентацию общественных интересов. Регламентирует допустимые формы и средства политического участия заинтересованных групп.

3. *Коммуникационный*. Предполагает формирование каналов диалоговой коммуникации как по вертикали (между властью и обществом), так и по горизонтали (между заинтересованными группами). Обеспечивает

циркуляцию информации о частных и публичных интересах между различными элементами политической системы.

4. *Медиативный*. Включает комплекс мер, применяемых государством для урегулирования и разрешения конфликтов, возникающих в результате столкновения конкурирующих и антагонистических интересов. Устраняет наиболее острые противоречия между государственными и общественными интересами.

Относительная новизна предмета исследования обуславливает практически полное отсутствие устоявшихся научных подходов к теоретическому моделированию рассматриваемого политического феномена. Вместе с тем из обширного конгломерата научных знаний в области политического согласования интересов можно вычлениить ряд фрагментарных идей и теоретико-прикладных разработок, способствующих решению поставленной задачи. К их числу мы относим:

- широкий спектр работ, посвященных проблеме взаимодействия власти и гражданского общества;
- фундаментальные концепции плюрализма и корпоративизма;
- исследования в области институционализации и государственного регулирования лоббистской деятельности;
- труды, посвященные политико-правовым аспектам социального партнерства;
- совокупность теорий о рыночных и нерыночных принципах взаимодействия политических акторов;
- пласт работ из области политической компаративистики, отражающих базовые подходы к сравнительному анализу национальных политических систем.

В настоящей статье предпринимается попытка концептуализации универсальных моделей политики согласования интересов. Решение данной задачи, прежде всего, потребует установления критериальных параметров для осуществления теоретического моделирования. Первый критерий, на наш взгляд, должен отражать *уровень плюралистичности субъектов политического согласования интересов*. В данном контексте целесообразно обратиться к концепциям корпоративизма и политического плюрализма, которые раскрывают содержательные аспекты взаимоотношений власти и общества.

В современной политической науке доминирует сформированное А. Каусеном, А. Лейпхартом и Ф. Шмиттером представление о корпоративизме как о неконкурентной форме политической репрезентации, предполагающей монополизацию системы представительства интересов подконтрольными государству общественными институтами, которые наделяются привилегированным положением в обмен на лояльность

к действующей власти¹. Существенным недостатком подобной системы, по мнению российского исследователя О.Ф. Шаброва, является «сращивание государства с наиболее влиятельными в экономическом отношении корпорациями»².

На современном этапе корпоративизм нередко подвергается критике за его несоответствие общепринятым представлениям о демократических принципах взаимодействия власти и общества. Своеобразным антиподом корпоративизма выступает плюрализм, концептуальный контур которого был сформирован Г. Ласки, Е. Летхемом, Л. Милбрахом, Д. Силлом и другими³. Плюралистическая модель согласования интересов предполагает многообразие иерархически неупорядоченных и равноудаленных от государства артикуляторов общественных интересов, которые погружены в открытую и конкурентную политическую среду. При этом роль государства в регулировании институтов электорального и функционального представительства стремится к минимуму.

Опираясь на категории плюрализма и корпоративизма, можно выделить соответствующие модели политико-управленческого воздействия государства на институты согласования общественных интересов, то есть констатировать существование корпоративистской и плюралистической политики согласования интересов. Однако подобный подход представляется нам излишне симплифицированным. Дабы в полной мере передать степень выраженности вышеобозначенного признака, мы предлагаем выделить следующие модели политики согласования интересов:

- клиентелистскую;
- авторитарно-корпоративистскую;
- неокорпоративистскую;
- плюралистическую (рыночную).

Первая модель предполагает построение формальных и неформальных отношений господства-подчинения между властью и заинтересованными группами. Основным инструментом реализации подобной политики становится формирование устойчивых патрон-клиентских сетей, в рамках которых политические ресурсы обмениваются на экономические блага и привилегии. При этом группы интересов, не находящиеся под патронажем власти, дистанцируются от институтов политической репрезентации. Дабы удерживать своих клиентов в подчиненном состоянии, политические покровители, как правило, комбинируют моральное и материальное

¹ Cowson A. Corporatism and Political Theory. L., 1986; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. М., 1997; Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2. С. 14–22.

² Шабров О.Ф. Корпоративизм в отношениях государства и бизнеса // Государство, НКО и бизнес: процесс взаимодействия / Материалы Международной научно-практической конференции. М.: МГОФ «Знание». 2007. С. 226.

³ См.: Latham E. The Group Basis of Politics: Notes for a Theory // American Political Science Review. – 1992. – № 46.; Laski H. Liberty in the modern state. – N.Y.: Harper & Brothers. – 1930.; Milbrath L.W. The Washington lobbyists. – Greenwood Press, 1976.; Sills D. Voluntary Association. – N.Y.: Free Press, 1968.

поощрение с жесткими репрессивными мерами. Межгрупповая конкуренция за право обладания ограниченными общественными ресурсами в данных условиях сводится к борьбе за лояльность патрона. Подобная модель политики согласования интересов реализуется преимущественно «султаническими» режимами, для которых свойственно преобладание патримониальных принципов взаимодействия власти и общества.

В авторитарно-корпоративистской модели политики согласования интересов государство выполняет функции архитектора институтов функционального представительства, прибегая к открытому или теневому вмешательству в их организационно-репрезентационную деятельность. Властью создаются такие условия, при которых неаффилированные с ней институты артикуляции общественных интересов выводятся за рамки политико-коммуникативных процессов и утрачивают инструменты влияния на центры принятия судьбоносных для общества решений.

В свою очередь, монопольное право на политическое представительство интересов закрепляется за ограниченным числом «избранных» организаций (корпораций), выступающих во взаимоотношениях с государством от имени широких социетальных общностей. Формально не являясь субъектами политической борьбы, подобные институции-монополисты де-факто выполняют функции «приводных ремней» правящих режимов. Практическое воплощение модели авторитарно-корпоративистской политики согласования интересов создает предпосылки для олигархизации институтов артикуляции и представительства общественных интересов.

Можно выделить два основных инструмента реализации подобной политики: оказание патерналистской поддержки лояльным корпорациям и создание непреодолимых барьеров (цензов), ограничивающих доступ к институтам политического согласования интересов «непривилегированным» субъектам.

Базовые принципы авторитарного корпоративизма радикальным образом были воплощены в фашистской Италии, где перед началом Второй мировой войны ключевыми субъектами политического согласования интересов стали подконтрольные государству рабочие и предпринимательские синдикаты. Внедрение подобной системы привело к преобразованию Парламента в «Палату фаший и корпораций», 650 членов которой назначались по волеизъявлению диктатора.

Традиции корпоративизма прочно укоренились в политической системе Итальянской Республики, где по сей день функционирует Национальный совет экономики труда, наделенный, в соответствии с Конституцией, правом законодательной инициативы⁴. Данный институт формируется на корпоративной основе (из числа представителей наи-

⁴ Constitution of the Italian Republic // URL: www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione_inglese.pdf (дата обращения: 27.10.2016).

более крупных отраслевых и профессиональных групп) и представляет собой консультативный орган при Парламенте и Правительстве страны. Совет обеспечивает гармонизацию интересов труда и капитала в процессе многостороннего взаимодействия представителей власти, экспертов, общественно-политических лидеров. Однако следует заметить, что данный экспертно-совещательный орган, как и подавляющее большинство современных институтов социального партнерства, представляет собой воплощение принципов *неокорпоративизма*.

Главной особенностью неокорпоративистской системы согласования интересов, на наш взгляд, является отсутствие авторитарного давления государства на институты гражданского общества. Вместе с тем характерное для этой модели стремление к высокой упорядоченности политико-коммуникационных процессов неизбежно ведет к тотальному доминированию крупных групп давления над менее влиятельными артикуляторами общественных интересов. Наиболее ярко подобная тенденция проявляется в социально-трудовой сфере, где право выражать интересы всех работодателей и всех наемных работников в масштабах страны закрепляется за ограниченным кругом предпринимательских объединений и профсоюзов. Неокорпоративистская политика согласования интересов реализуется при помощи формализации институтов функционального представительства, подразумевающих четкую регламентацию взаимодействия власти и групп давления, установление жесткого порядка формирования коллегиальных органов, введение определенных цензов и ограничений на осуществление репрезентационной деятельности.

Российский исследователь А. А. Дегтярев справедливо отмечает, что реализация неокорпоративистских моделей в государственной политике обеспечивает преодоление межгрупповых конфликтов и способствует выработке компромиссных решений посредством создания «экологосударственных» совещательных институтов и согласительных агентств⁵. Несмотря на то, что неокорпоративистская политика согласования интересов в целом не диссонирует с базовыми демократическими принципами, она прямо или косвенно ориентируется на ограничение многообразия субъектов, обеспечивающих артикуляцию и представительство общественных интересов.

Отличительной чертой клиентелистской, авторитарно-корпоративистской и неокорпоративистской моделей политики согласования интересов, с нашей точки зрения, является их *нерыночный характер*, который предполагает отсутствие свободного публично-политического торга между субъектами, претендующими на обладание ограниченными общественными ресурсами. В рамках вышеперечисленных моделей свобода конкуренции между заинтересованными группами целенаправленно ограничивается

⁵ Дегтярев А. А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 152–163.

государством либо корпорациями-монополистами. Зачастую подобная политика согласования интересов приводит к возникновению неформальных картельных сговоров между бюрократическими аппаратами массовых организаций, номинально призванных отстаивать конфликтующие или даже взаимоисключающие интересы⁶.

Если в качестве подобных организаций выступают крупные объединения работодателей и массовые профессиональные союзы, то социальное партнерство трансформируется в «социальное соглашательство», наносящее ущерб интересам рядовых членов обеих групп. Итогом реализации такой политики может стать накопление неразрешенных противоречий и утрата доверия к официальным институтам согласования общественных интересов, что, в свою очередь, правомерно расценивать как угрозу для социально-политической стабильности государства.

Вышеуказанная проблема не свойственна *плюралистической* политике согласования интересов, предполагающей свободную конкуренцию субъектов не только за обладание определенными благами, но и за право доступа к центрам принятия политико-управленческих решений. Подобная политика согласования интересов способствует формированию публичной сферы, которая, согласно Ю. Хабермасу, создает все необходимые условия для открытого, рационально-критического обсуждения политических проблем⁷. При этом крупные и малые, лояльные к власти и оппозиционные, обеспеченные и экономически несостоятельные группы давления наделяются формально равным статусом в системе согласования интересов. Реализация базовых принципов политического плюрализма обеспечивает номинальную равноудаленность заинтересованных групп от институтов власти, однако не гарантирует справедливого или сбалансированного распределения общественных ресурсов. Идеализация подобной модели, характерная для англо-американской либеральной традиции и отечественной научной мысли начала 1990-х – середины 2000-х годов, представляется нам не вполне оправданной.

Обладая явными социал-дарвинистскими чертами, плюралистическая политика согласования интересов вынуждает группы давления затрачивать значительную долю своих ресурсов исключительно на борьбу за право артикулировать и представлять определенные интересы в публично-политическом пространстве. Так, например, чрезмерно острая конкуренция объединений наемных работников ведет к ослаблению профсоюзного движения в целом и, следовательно, укрепляет позиции противоположной стороны производственных отношений (капитала). Кроме того, отсутствие конструктивного упорядочивающего воздействия государства на институты

⁶ См.: Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. – Leipzig: Verlag von Dr. Werner Klinghardt, 1911.

⁷ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge (Mass.). 1993.

согласования интересов может повлечь хаотизацию политико-коммуникационных процессов и спровоцировать возникновение горизонтальных конфликтов между конкурирующими акторами. Наконец, нельзя не отметить, что неограниченная полисубъектность заинтересованных групп ведет к снижению их договороспособности.

Еще одним критерием, который, на наш взгляд, следует учитывать при построении комплексной национальной модели политики согласования интересов, является *уровень ее институционализации*. Данный параметр свидетельствует о степени формализации политических отношений, возникающих по поводу артикуляции, представительства и координации общественных интересов. Кроме того, на основе выше-названного критерия можно делать обоснованные выводы о принципах политико-управленческого воздействия государства на институты электоральной и функциональной репрезентации. Однако для применения подобного подхода к теоретическому моделированию исследуемого феномена необходимо уточнить само понятие «политическая институционализация».

В рамках так называемой «нормативной парадигмы» институциональное оформление политических отношений отождествляется с процессом последовательно сменяющих друг друга стадий хабиитуализации («опривычивания»), типизации и нормативного закрепления определенных моделей и принципов поведения акторов⁸. При этом сторонники симплифицированного (узкого) подхода к данной проблеме предлагают понимать под институционализацией фиксацию основных принципов регулирования общественных отношений в нормах права⁹.

Американский социальный мыслитель Д. Норт существенно расширил семантические рамки рассматриваемого понятия, отождествив его с упорядочением «правил игры, ограничивающих взаимодействие людей» (под данное определение подходят как формальные, так и неформальные институты)¹⁰. Придерживаясь аналогичной точки зрения, российский исследователь А. В. Абрамов отождествляет политическую институционализацию с процессом «складывания, организационного оформления и нормативного закрепления» отношений господства-подчинения¹¹.

Заслуживает внимания и так называемая «организационная парадигма», сторонники которой под институционализацией понимают структурное оформление коллективных акторов (объединений людей). В данном контексте политическую институционализацию можно интерпретировать как

⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

⁹ Levi M. A logic of institutional change. Chicago, 1990.

¹⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 18.

¹¹ Абрамов В. В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // Власть. 2010. № 5. С. 55.

придание внятных организационных контуров субъектам политических отношений: государственным институтам, заинтересованным группам, партиям и т.д.

Принимая во внимание оба подхода, критериями институционального оформления политики согласования интересов, на наш взгляд, следует избрать следующие параметры:

- 1) содержание нормативной базы, регулирующей процессуальные аспекты репрезентации и координации общественных интересов;
- 2) наличие устойчивых, признаваемых обществом, правил неформального взаимодействия государства и заинтересованных групп;
- 3) качественное состояние политических институтов, обеспечивающих функциональное представительство групповых интересов.

Вышеперечисленные критерии лежат в основе большинства концептуальных подходов к типологизации национальных моделей регулирования лоббистской деятельности и социального партнерства. В контексте настоящего исследования данные подходы представляют определенный интерес, поскольку вышеуказанные институты функционального представительства являются ключевыми объектами политики согласования интересов.

Классифицируя основные политико-управленческие подходы к регулированию отношений между группами интересов и государством, современные исследователи, как правило, выделяют *англо-американскую* и *континентально-европейскую* модели упорядочения лоббистской деятельности¹². С высокой долей вероятности можно утверждать, что в Великобритании, Соединенных Штатах Америки и Канаде процесс институционального оформления лоббистских отношений достиг своего апогея. В данных государствах приняты специализированные нормативные и правовые акты, устанавливающие четкие формальные рамки для осуществления деятельности по продвижению общественных интересов в органах государственной власти.

Соответствующие законы предписывают порядок обязательной регистрации лоббистов; устанавливают жесткие требования в сфере раскрытия информации о контактах представителей заинтересованных групп с должностными лицами; очерчивают круг субъектов, которым позволено заниматься лоббистской деятельностью; определяют санкции за нарушение установленных требований.

В странах, где воплощена англо-американская модель регулирования лоббизма, существует институционально обособленная, политико-коммуникационная отрасль, в рамках которой на легальной основе функционируют профессиональные частные агенты-посредники и GR-компании. *Континентально-европейская* модель функционального представительства интересов опирается на политико-этические кодексы и устоявшиеся практики взаимодействия власти и гражданского общества.

¹² См. например, Каневский П. С. Национальные модели лоббизма // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 3. С. 121–138.

В странах Западной Европы практически весь спектр общественных интересов артикулируется соответствующими организациями: профсоюзами, деловыми объединениями, правозащитными ассоциациями и т.д. Данные субъекты получают возможность оказывать влияние на центры принятия политико-управленческих решений благодаря включению их представителей в консультативные и экспертно-совещательные советы при органах публичной власти. Кроме того, в отдельных государствах Еврзоны действует принцип добровольной регистрации уполномоченных представителей общественных объединений и бизнес-структур при легислатурах.

Континентально-европейский подход к упорядочению лоббистской деятельности достаточно успешно применяется в Германии, Австрии, Франции, Голландии и Скандинавских странах. В свою очередь, Итальянская Республика, согласно исследованиям международной организации «Transparency International», занимает одно из последних мест в Евросоюзе по «степени открытости лоббистской деятельности» и «равенству возможностей при доступе к органам власти»¹³. Таким образом, какие бы то ни было обобщающие суждения в отношении уровня институционализации функционального представительства в Западной Европе представляются нам не вполне уместными.

Базовые принципы упорядочения лоббистских отношений рекурсивно воспроизводятся в процессе регулирования всех форм политического участия заинтересованных групп. Таким образом, можно допустить существование англо-американской и континентально-европейской моделей политики согласования интересов, которые базируются на институциональном закреплении механизмов взаимодействия власти и общества. Однако следует признать, что формализация электорального и функционального представительства интересов, характерная для ряда западноевропейских стран и некоторых североамериканских государств, полностью не исключает такие явления, как локальный клиентелизм, фаворитизм, коррупцию и т.д.

В посттоталитарных и развивающихся странах соотношение институционализированных и неинституционализированных механизмов взаимодействия власти и общества может быть весьма вариативным. При этом институциональный вакуум нередко заполняется теневыми и криминальными формами репрезентации. Для оценки качественного состояния политики согласования интересов, реализуемой в подобных государствах, необходимо учитывать направленность институциональных изменений, так как последние могут носить не только прогрессивный, но и регрессивный характер.

В целях концептуализации подходов к теоретическому моделированию исследуемого феномена, целесообразно выделить три иерархических уров-

¹³ Lobbying and democracy: representing interests in Italy // URL: www.transparency.it/wp-content/uploads/2014/11/LLL-National-Report_EN_DEF.pdf (дата обращения 27.10.2016).

ня институционального оформления политики согласования интересов: *высокий, маргинальный и минимальный (слабый)*.

Высокий уровень институционализации отмечается в странах, где публичное политическое пространство насыщено высокоорганизованными группами интересов, которые прибегают главным образом к легальным и открытым формам политического участия. При этом незыблемость установленных норм, правил и регламентов сводит к минимуму государственное вмешательство в процессы горизонтального межгруппового взаимодействия.

Маргинальный уровень институционализации политики согласования интересов присущ странам, которые идут по пути демократизации к полному или частичному упорядочению отношений между властью и заинтересованными группами. Для него характерно непостоянство институционального дизайна системы политического согласования интересов и подвижность границ между формальными, неформальными, теневыми и криминальными механизмами воздействия негосударственных субъектов на центры принятия политико-управленческих решений.

В подобных странах общественные институции зачастую не обладают достаточными авторитетом и ресурсами для того, чтобы государство «видело в них полноценного партнера»¹⁴. Таким образом, власти приходится «культивировать» институты функционального представительства интересов и стимулировать ускоренное развитие гражданского общества.

Наконец, *минимальный* уровень институционализации политики согласования интересов выражается в практически полном отсутствии отлаженных и легитимных механизмов взаимодействия государства и групп давления. В данных обстоятельствах пропорция распределения ограниченных общественных ресурсов зачастую устанавливается в рамках неформальных политических сетей, клиентел и коррупционных связей.

Оба критерия, избранных нами для оценки политики согласования интересов – степень ее институционализации и уровень плюралистичности заинтересованных групп – непосредственным образом связаны с третьим параметром – *ролью государства в регулировании согласовательных процессов*. Данный критерий отражает глубину и интенсивность политико-управленческого воздействия власти на институты, обеспечивающие артикуляцию, репрезентацию и координацию общественных интересов. В рамках подобного подхода, с нашей точки зрения, могут быть выделены три универсальные модели политики согласования интересов: *этатическая, консервативная (патерналистская) и либеральная*.

Для современного этапа развития отечественной политической науки характерно отсутствие общепринятого или доминирующего подхода к разграничению феноменов этатизма и государственного патернализма.

¹⁴ Шабров О.Ф. Корпоративизм в отношениях государства и бизнеса // Государство, НКО и бизнес: процесс взаимодействия / Материалы Международной научно-практической конференции.

Неоправданно отождествляя соответствующие понятия, некоторые авторы, в частности Р. А. Лубский, настаивают на существовании «патерналистско-этатического» типа взаимоотношений государства и общества, для которого характерно «отрицание высшей социальной ценности прав и свобод человека и гражданина в контексте разнообразных форм тотального государственного контроля»¹⁵.

Подобное смешение понятий, а также их безапелляционное наделение тоталитарными коннотациями представляется излишне субъективным и методологически необоснованным. Сущностные особенности этатизма как принципа функционирования политической, социальной и экономической систем в наиболее общем виде можно свести к реализации ряда принципов:

- 1) интервенционализм (всеобъемлющее государственное регулирование общественных отношений);
- 2) государствоцентризм (полное отождествление национальных интересов с государственными);
- 3) клиентелизм (формирование отношений зависимости между властью и группами интересов).

Воплощение вышеуказанных принципов низводит политическое согласование интересов до директивного насаждения государственной позиции во всех сферах жизнедеятельности социума. При этом создаются непреодолимые преграды на пути общественной самоорганизации, а пространство диалога между властью и группами давления сужается до кулуаров при ведомствах и парламентах.

Подобная политика, как правило, зиждется на прочном идеологическом фундаменте, который легитимирует априорное и безапелляционное доминирование интересов государства как политического института над потребностями всех социальных общностей. Следует признать, что в условиях обострения внутривластных и внешних угроз национальной безопасности этатизм может рассматриваться как фактор выживания общества. Минимизируя общественное участие в процессе распределения и перераспределения ресурсов, этатическая политика согласования интересов позволяет консолидировать конкурирующие группы вокруг государства, олицетворяемого национальным лидером. Подобный подход представляется оправданным в период военных конфликтов, техногенных и природных катастроф, глубоких социально-экономических кризисов или стремительных общественных преобразований. Однако продолжительную реализацию этатической политики согласования интересов мы оцениваем как одну из предпосылок формирования тоталитарного политического режима.

Консервативная (патерналистская) политика согласования интересов представляется чрезвычайно многогранным феноменом, сущностные харак-

¹⁵ Лубский Р. А. Этатизм как принцип взаимодействия человека и государства в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 157.

теристики которого варьируются в зависимости от специфики национальной политической культуры, традиций политического и государственного управления, а также сложившихся моделей взаимодействия институтов власти и гражданского общества. Вместе с тем, консервативный подход к пониманию роли государства во взаимоотношениях с группами интересов имеет более или менее внятный концептуальный контур.

Краеугольным камнем политического консерватизма является концепция его родоначальника Э. Берка, согласно которой потребность в сильном, опирающемся на религию и традиции, государстве обуславливается несовершенством и порочностью человеческой природы¹⁶. Отрицая принципы «естественного права» и популярные в XVIII веке концепции «общественного договора», британский мыслитель видел государство «проводником единой четко выраженной политической воли»¹⁷.

Аналогичные идеи служат лейтмотивом трудов немецкого философа и социолога А. Гелена, рассматривавшего административно-государственные учреждения общества и устойчивые формы их взаимодействия в качестве «внешних опор человека»¹⁸. В рамках данного подхода актуализируется конфуцианский идеал патерналистского государства, выступающего охранителем морально-нравственных устоев, порядка и стабильности.

Принципиальное отличие консервативной политики согласования интересов от этатической, с нашей точки зрения, заключается в том, что она, помимо широких полномочий, возлагает на государство морально-этическую ответственность за соблюдение принципов рациональности и справедливости в процессе распределения общественных ресурсов. При этом значительно более широкие полномочия отводятся группам давления, которые получают возможность артикулировать социально и экономически значимые потребности граждан. Наконец, консервативная парадигма не предполагает тоталитарного навязывания государственных интересов, хотя и наделяет институты власти суверенным правом на регулирующее вмешательство во все сферы общественных отношений.

Наконец, либеральная модель политики согласования интересов зиждется на доктрине индивидуальной свободы, теориях социального контракта и принципе невмешательства власти в социально-экономические процессы. Концепция «ночного сторожа», сформулированная Дж. Локком, емко определяет функционал государства, которым его наделяют представители либеральной школы¹⁹.

Американский политолог В. Эбенштайн справедливо отмечает, что в концепции Локка существуют лишь два субъекта политики: «закон (опе-

¹⁶ См.: Берк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993.

¹⁷ Абрамов В. Н. Гражданское общество и власть в понимании Э. Берка // Трибуна русской мысли. 2003. № 8. С. 147.

¹⁸ Gehlen A. Die Seele im technischen Zeitalter. Sozialpsychologische Probleme in der industriellen Gesellschaft. Hamburg: Rowohlt, 1987. 131 S.

¹⁹ Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988.

кун) и народ (одновременно и учредитель, и подопечный)», при этом «опека устанавливается в интересах подопечного, а не по воле опекуна»²⁰. Логическим следствием подобного подхода является сведение роли государства к обеспечению воспроизводства институциональной инфраструктуры общественных отношений и выполнению медиативных функций в случае возникновения политических конфликтов. При этом государственные интересы по своей общественной значимости уравниваются с коллективно-групповыми и частными потребностями.

Либеральная модель политики согласования интересов с высокой долей вероятности может считаться абстракцией, несмотря на ее идеализацию в ряде западных демократий. Главное отличие либеральной модели от патерналистской и этатической, на наш взгляд, заключается в том, что она не предполагает грубого, инженерно-авторитарного подхода к упорядочению общественных отношений. В рамках данной модели основными средствами регулирующего воздействия государства на институты согласования интересов становятся политико-коммуникационные технологии, зачастую применяемые в манипулятивных целях.

Подводя итоги проведенного исследования, целесообразно в емкой форме представить его основной результат – совокупность критериев, необходимых для теоретического моделирования исследуемого феномена. На основе данных критериев можно выделить следующие типы политики согласования интересов:

1. *По уровню плюралистичности заинтересованных групп и субъектов:*

- клиентелистскую;
- авторитарно-корпоративистскую;
- неокорпоративистскую;
- плюралистическую.

2. *По степени институционализации взаимодействия акторов:*

- высоко институционализированную;
- маргинальную;
- слабо институционализированную.

3. *По роли и функциям государства в системе согласования общественных интересов:*

- этатическую;
- консервативную (патерналистскую);
- либеральную.

Учет данных параметров позволяет алгоритмизировать процесс исследования национальных моделей политики согласования интересов и сформулировать ценные с практической точки зрения выводы применительно к политическим системам конкретных государств.

²⁰ Ebenstein W. Great Political Thinkers "From Plato to Present". New York: Rinehart & Co, 1951. P. 234.